

БЕЛОРУССКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПЕРЕВОДАХ ОДИНАКОВЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Использование национальных языковых элементов в текстах переводов художественных произведений отмечено большим разнообразием в качественном отношении и многочисленностью в количественном отношении. Такое разнообразие является результатом сознательного использования переводчиками элементов национального языка. Как отмечают исследователи этой проблемы, в переводных текстах "употребление национальной лексики неизбежно и необходимо" (1). В лингвистических трудах национальная лексика, чрезвычайно разнообразная по тематике, обычно рассматривается как один из типов заимствований и определяется как "экзотическая" (Л. П. Крысин, А. Е. Супрун), "безэквивалентная" (Е. М. Верещагин, В. П. Костомаров, Г. П. Ижакевич), она также именуется "реалиями" (С. Влахов и С. Флорин). Такое понимание базируется в основном на невозможности установления понятийного тождества русских слов с иноязычными, национальными словами. Это несколько ограничивает объем понятия "национальная лексика" по сравнению с принятым в данной статье определением национального (белорусского) языкового элемента в тексте перевода художественного произведения.

Под белорусским языковым элементом (белорусизмом) понимается принадлежащий системе белорусского языка элемент, употребленный в тексте на русском языке.

К белорусизмам относятся:

а) слова белорусского языка, не имеющие полностью совпадающих по форме и содержанию соответствий в русском языке;

б) слова белорусского языка, имеющие соответствующие по форме и содержанию слова на русском языке; слова русского языка имеют иную стилистическую окраску либо принадлежат к областной лексике;

в) слова белорусского языка, имеющие соответствия по форме в русском языке при несовпадении объема значений.

О. В. Озаровский подчеркивает главный признак белорусизма сохраняемую им в объективно-коммуникативном плане (читательском восприятии) соответствующую стилистическую маркировку иноязычности (2). Этот признак применительно к принятому нами определению не является актуальным для белорусизмов, имеющих соответствия по форме и содержанию в русском языке, отличающихся своей стилистической окраской либо принадлежащих к областной лексике. Так, белорусизмы *девчата*, *криница*, *хворать*, *хлопец* и др. в тексте на русском языке не могут иметь иноязычную маркировку, так как эти слова имеются и в русском и в белорусском языках. Нами в разряд белорусизмов они отнесены из-за несоответствия стилистических характеристик и языковых пластов, к которым они принадлежат. Общеупотребительное белорусское слово *дзячаты* переносится в русский текст, в котором функционирует как белорусизм, имея при этом соответствие - русск. *девчата*. В данном случае правомерно употреблять термин "перенос", а не "перевод", так как перевод предполагает обязательное соответствие как в семантическом, так и в стилистическом аспектах (при переводе бел. *дзячаты* соответствует русск. *общеупотребительное девушки*): в данном случае наблюдается стилистическое несоответствие, что и позволяет признать *девчата* белорусским языковым элементом в текстах на русском языке.

Концепция адекватности, разработанная А. В. Федоровым(3), является одной из центральных в теории и практике перевода. Адекватность перевода сводится к категориям смысловой (семантической) полноты и точности, дополняемым стилистической эквивалентностью. Семантико-стилистическая адекватность

определяется через оценку отношения текста перевода к тексту оригинала, оценку семантической и стилистической эквивалентности языковых единиц, составляющих текст перевода и текст оригинала. Здесь важно учитывать не только семантическое соответствие языковых единиц, но и их принадлежность к стилевым пластам и разрядам. Несовпадение в семантическом объеме либо стилистическое несоответствие рассматриваемых лексических единиц двух языков позволяет нам, основываясь на концепции адекватности, считать единицы, которые не совпадают стилистически либо по семантике со словами в тексте оригинала, иноязычными (в данном случае - белорусскими) элементами в текстах переводов.

Употребление белорусизмов в переводных текстах является процессом объективно-закономерным. Идеино-художественное содержание произведений, их стилистика, необходимость передать образность и выразительность языка оригинала служат предпосылками широкого использования белорусизмов. Объективность данного процесса находит подтверждение как в использовании определенных белорусизмов с одинаковыми художественными целями и задачами в различных произведениях, так и в том, что в выполненных разными переводчиками переводах одного и того же произведения к решению этих целей и задач привлечены в одинаковых контекстах одни и те же белорусизмы.

Рассмотрим два перевода на русский язык романа Ивана Пташникова "Мстижи", выполненные В. Кудиновым и М. Горбачевым. Безусловно, в переводах романа "Мстижи" реестры белорусизмов и их количество не могут полностью совпадать, так как перевод является творческим процессом, в ходе которого переводчик из огромного арсенала выразительных, оценочно-характерологических средств выбирает те, которые, по его мнению, наиболее точно соответствуют содержанию, стилистике переводимого материала. Вместе с тем в этих переводах наблюдается большое количество сходных употреблений белорусизмов, одинаковых решений с их помощью художественных задач перевода. На степень употребительности белорусизмов в переводе оказывают влияние многочисленные факторы: тема, содержание переводимого произведения, языковые установки автора. Роман И. Пташникова "Мстижи" – произведение о белорусской деревне. Автор широко использует многие диалектные формы и слова, которые служат средством характеристик, создают в произведении эффект присутствия автора, делают его участником событий, помогают выразить авторскую точку зрения. Безусловно, в переводном тексте сохранение белорусских диалектных слов и форм недопустимо. Задача переводчика состоит в точной передаче стилистики романа, всех особенностей организации его языковой структуры; достигнуть этого необходимо переводом "на свой язык, причем не диалектный, а общелитературный, и вместе с тем так, чтобы чувствовалось веяние и колорит подлинника" (4).

Белорусизмы в переводе романа широко представлены во всех видах речи - авторской, прямой и несобственно-прямой. Сложность языковой структуры произведения определяется широким использованием несобственно-прямой речи. М.Е.Тикоцкий отмечает, что "ориентация на точку зрения персонажа отражается на всей языковой структуре художественной прозы И. Пташникова" (5). Эта ориентация способствует значительному усложнению несобственно-прямой речи, которая берет на себя функции повествования и описания. Исследователями языковых процессов современной художественной прозы отмечается взаимодействие планов выражения автора и персонажа, когда "точка зрения персонажа часто вводится без предварительных указаний типа "он увидел", "он услышал", "он подумал" и т.п., в результате чего границы между планом автора и планом персонажа оказываются стертыми, невыраженными" (6). Данное положение справедливо применительно к языковой организации романа "Мстижи". В этом случае одним из указателей на несобственно-

прямой вид речи в произведении наряду с синтаксической организацией предложений и сверхфразовых единств становится лексический состав текста оригинала, включающий диалектные слова и формы. В переводном тексте эти функции выполняют белорусизмы.

В переводах романа большое количество белорусизмов употребляется в прямой речи, где они способствуют созданию речевых характеристик персонажей, в определенной степени формируют национальный фон произведения.

Одинаковую роль – создание портрета начальника леспромхоза Внука посредством речевых характеристик – играет белорусизм паны (7). Не очень деликатный Внук разговаривает с рабочими резко, грубо, речь его многословна; белорусизм паны подчеркивает пренебрежительное отношение Внука к рабочим:

1. Не дали, потому что директор леспромхоза не дал. Ишь, паны, им уже и дорожниц подавай...

2. Не дали? Директор леспромхоза не дал... Паны... Им уже и дорожниц подавай...

Иное лексическое наполнение имеет речь Внука после того, как рабочие единодушно выступили против действий своего начальника:

1. Хлопчики...Хлопчики... – подымал Внук руку, будто открещиваясь от возчиков,

2. Хлопчики... Хлопчики... – поднимал он руку, как бы отгораживаясь от возчиков.

Словообразовательный дериват с уменьшительно-ласкательным суффиксом хлопчики передает стремление Внука погасить возмущение рабочих, уладить конфликт посредством установления панибратских отношений.

Слово хлопец в речи персонажей играет немаловажную роль; большая достоверность обстановки, характер отношений между персонажами, живость и непринужденность реплик достигаются употреблением данного слова:

1. Иди-ка лучше, хлопец, в машину...,

2. Иди лучше, хлопец, в машину...

Принадлежностью только прямой речи в обоих переводах являются частицы ах и хай, которые придают репликам персонажей оттенок разговорности, восполняют в русском переводе особенности речи персонажей, строящейся с использованием разнообразных диалектных форм и слов белорусского языка:

1. Аж дрожь берет, как вспомнишь...

2. Аж дрожь берет, как вспомнишь.

1. Так я тебе скажу: хай медведя Внук сам кусает.

2. Так я тебе скажу: хай медведя Внук сам кусает.

Слово батька в обоих переводах употребляется в качестве регионального эквивалента к лексеме отец:

1. Еще мой батька рассказывал. Моему батьке рассказывал его батька...

2. Еще мой батька рассказывал. Моему батьке рассказывал его отец, а также как способствующее созданию национального фона обращение к мужчине, старшему по возрасту:

1. Это, батька, долгая песня,

2. Это, батька, длинная песня.

Реестр белорусизмов, используемых в авторской речи, немногочислен. Он включает в свой состав слова бурак, гарбуз, криница, примак, хлопец. Данные белорусизмы, кроме слова хлопец, характеризуются единичными употреблениями в тексте. Немногочисленность белорусизмов определяется особенностями языковой структуры произведения, где основной акцент в выражении авторской оценки сделан на прямую и несобственно-прямую речь; авторское слово используется в основном как способ повествования, за редким исключением как способ характеристики или как способ оценки. Характеризующе-оценочная роль авторского слова проявляется именно в употреблении

белорусизмов. Так, неприятие Андреем Величкой Подберецкого как человека морально нечистоплотного, помимо оценочных моментов в прямой и несобственно-прямой речи, находит поддержку в авторской позиции, выражающуюся в употреблении белорусизма бурак в качестве сравнения, имеющего явный пренебрежительный оттенок:

1. Подберецкий высморкался и снова утерся рукою. От огня стал весь красный, как бурак.

2. Подберецкий высморкался и вытерся ладонью. Стал весь красный, как бурак.

Имеющее ярко выраженную народную основу сравнение как гарбузов на грядках, составной частью которого является белорусизм гарбуз, служит отражением в формах авторской речи отношения Андрея Велички к бригадиру:

1. У него самого было уже трое детей – сыновей, что желтых гарбузов на грядках: мал мала меньше.

2. У него у самого было уже трое детей - сыновей, как гарбузов на грядках: мал мала меньше.

Так в формах авторской речи передается отношение главного героя к окружающим его людям.

В несобственно-прямой речи отмечено наибольшее количество употреблений белорусизмов, что объясняется ролью, которую белорусизмы играют в этом виде речи. Роман "Мстижи" отличается сложным структурно-композиционным построением, когда описание непосредственно происходящих событий прерывается ретроспективными повествованиями, воспоминаниями Андрея Велички; изложение событий с авторской позиции постепенно сменяется изложением с точки зрения главного героя. Переход от авторской фразы к фрагментам несобственно-прямой речи может происходить не только внутри фразы, но и внутри единого синтаксического целого. В тексте оригинала такой переход обращает на себя внимание посредством диалектных форм и слов, 'в переводном тексте – посредством белорусизмов, которые становятся яркими языковыми показателями того, что автор ориентируется на точку зрения персонажа, ведет повествование сквозь призму взглядов персонажа на события, явления действительности.

Рассмотренные нам, случаи использования белорусизмов в переводах романа И. Пташникова "Мстижи" служат подтверждением объективности и закономерности процесса употребления белорусизмов в переводах художественной прозы. Функцио-ируя в качестве оценочно-характерологических средств, белорусизмы играют важную роль в переводных текстах, способствуют структурно-композиционному и языковому построению художественной ткани произведений.

Рассматриваемые переводы не могут характеризоваться полным совпадением белорусизмов – это противоречило бы аксиоме, что одним из основных аспектов перевода является его творческая природа. В переводах романа "Мстижи" нами подобраны наиболее характерные, в основном совпадающие в обоих текстах фрагменты, которые должны показать общность тенденций переводческой практики в использовании белорусизмов. При совпадении большинства употреблений оба перевода имеют свои отличительные черты. Так, перевод, выполненный В.Кудиновым, характеризуется большим количеством белорусизмов в речи персонажей, более широким отражением языковой стихии. Перевод М. Горбачева отличает более строгий подход к использованию белорусизмов в речи персонажей: переводчик ищет иные выразительные средства для речевых характеристик, используя возможности русского языка, его грамматического строя. Использование белорусизмов в авторской речи в обоих переводах приблизительно одинаково.

Анализ языка переводов романа "Мстижи" показывает, что белорусизмы в зависимости от вида речи (авторская, прямая, несобственно-прямая) могут выполнять различные функции: выражают отношение автора к происходящим в романе событиям и отношение к ним в формах авторской речи главного героя произведения, передают

различные оттенки чувств и переживаний персонажей в формах прямой речи, служат для читателя языковыми сигнализаторами о несобственно-прямом виде речи и др.

1. Михайловская Н.Г. Стиль русскоязычной литературы Севера и Дальнего Востока. – М.: Наука, 1984. – С. 37.

2. Озаровский О. В. К вопросу о нефункциональных белорусизмах и службе русского языка // Русский язык. - Мн.: Университетское. Вып. 4, 1984. – С. 10.

3. См.: Федоров А. В. Основы общей теории перевода. – М.: Высш. школа, 1986.

4. Рыльский М. Ф. Искусство перевода. – М.: Советский писатель, 1986. – С. 41–42.

5. Цкоцю М. Я. Сугучнасць слоу жывых... Нататкі па стылістыцы мастацкай лггаратуры. – Мн.: Выд-ва БДУ, 1981, – С. 138.

6. Языковые процессы современной художественной литературы: Проза. – М.: Наука, 1977. – С. 31.

7. Цифрой 1 обозначается цитата из перевода, выполненного В.Кудимовым; цифрой 2 – из перевода, выполненного М. Горбачевым.